

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Г.

14.05.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе первого вице-президента АП СПб Саськова К.Ю. (председатель), вице-президента АП СПб Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. (участвовали очно), члена Совета Манкевича А.Е. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 14.05.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство № в отношении адвоката Г. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 19.11.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. послужила жалоба адвоката И.А.В., поступившая в АП СПб 17.11.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 19.11.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 22.01.2026 в действиях (бездействии) адвоката Г. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, КПЭА:

- п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.*
- п. 3 ст. 9 КПЭА: *адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги (правовую помощь), за исключением деятельности по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, третейского судьи, участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе, а также иной деятельности в случаях, предусмотренных законодательством.*

Нарушение выразилось в следующем.

26.08.2025 адвокат Г. вызвалась оказать юридическую помощь адвокату И.А.В. по возбуждённому в отношении неё дисциплинарному производству.

В процессе оказания юридической помощи адвокат Г. подготовила для И.А.В. возражения на жалобу, поданную Н.Н.В. в АП СПб, а также жалобу на заключение Комиссии Совета АП СПб по защите профессиональных прав адвокатов от 10.06.2025.

24.09.2025 адвокат И. сообщила адвокату Г. о том, что в отношении неё возбуждено еще одно дисциплинарное производство, и адвокат Г. вновь согласилась оказывать юридическую помощь И.А.В.

Квалифкомиссия установила, что адвокат Г. оказывала юридическую помощь адвокату И.А.В. по составлению возражений на жалобу Н.Н.В., жалобы на заключение Комиссии Совета АП СПб по защите прав адвокатов, а также консультационной помощи по вопросу обращения К.А., что подтверждается представленными скриншотами переписки.

Обратившись за юридической помощью к адвокату Г., и получив её, И. приобрела статус доверителя со всеми вытекающими правами, включая право на соблюдение адвокатской тайны и добросовестное исполнение обязательств адвокатом Г.

Вместе с тем соглашение об оказании юридической помощи между И.А.В. и адвокатом Г. в письменной форме заключено не было.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 22.01.2026 в действиях (бездействии) адвоката Г. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, КПЭА:

- п. 1 ст. 4 КПЭА: *адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии.*
- п. 1 ст. 15 КПЭА: *адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав.*

Нарушение выразилось в следующем.

Адвокат Г. оказывала юридическую помощь заявителю И.А.В. в обмен на личную выгоду.

Предложив свои услуги адвокату И.А.В. по оказанию юридической помощи в связи с возбуждёнными в отношении И.А.В. дисциплинарными производствами, адвокат Г. преследовала цель в виде бесплатного выполнения сантехнических работ в своей квартире супругом адвоката И.А.В.

10.10.2025 адвокат Г. начала требовать с адвоката И.А.В. заплатить ей 100 000 (сто тысяч) рублей за выполненные супругом адвоката И.А.В. сантехнические работы в её квартире, мотивируя это тем, что у адвоката И.А.В. и её супруга, выполнявшего сантехнические работы в её квартире, общий бюджет, угрожая, что в противном случае, используя свои связи, она лишит И.А.В. статуса адвоката.

Выдвигая требование к адвокату И.А.В. о передаче ей денежных средств в размере 100 000 (сто тысяч) рублей, адвокат Г. не подтвердила их передачу ранее

супругу адвоката И.А.В. за выполненные сантехнические работы в квартире адвоката Г.

При этом адвокат Г. не предоставила договор на выполнение сантехнических работ, а также каких-либо документов, подтверждающих передачу денежных средств в размере 100 000 (сто тысяч) рублей. При отсутствии письменных доказательств, подтверждающих факт передачи денежных средств, свидетельские показания не могут подтверждать факт передачи денежных средств, поэтому утверждение адвоката Г. о передаче денежных средств в размере 100 000 (сто тысяч) рублей не могут быть приняты во внимание.

Президент коллегии адвокатов «В. и партнёры» В.Н.Н. подтвердила, что 12.10.2025 Г. обращалась к ней, с просьбой о том, чтобы она оказала воздействие на адвоката И.А.В. по вопросу возврата денежных средств, иначе Г. обратится с жалобой и лишит статуса адвоката И.А.В.

Угрозы со стороны адвоката Г. в адрес адвоката И.А.В. лишить её статуса адвоката, если требование Г. о передаче ей денежных средств в размере 100 000 (сто тысяч) рублей не будет исполнено, при отсутствии документально подтверждённых прав на такое требование, высказывание угрозы лишения статуса адвоката, в том числе и через третьих лиц, свидетельствует о том, что адвокатом Г. нарушены требования КПЭА.

Квалифкомиссия также рассмотрела дисциплинарную претензию И.А.В. о том, в действиях адвоката Г. содержатся признаки вмешательства во внутренние дела адвокатской палаты или адвокатского образования, членом которых она не является, а также призывы к вмешательству в указанные дела органов государственной власти.

По мнению Квалифкомиссии, обращение адвоката Г. к президенту коллегии адвокатов «В. и партнёры» В.Н.Н. с просьбой оказать влияние на адвоката И.А.В. по вопросу передачи ей денежных средств в размере 100 000 (сто тысяч) рублей нельзя рассматривать как вмешательство во внутренние дела адвокатского образования, поскольку под вмешательством подобного рода предполагается принятие организационно-правовых решений, имеющих определенное значение как для конкретного адвокатского образования, так и для неопределённого количества адвокатов.

25.04.2026 адвокат Г. в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, направила в АП СПб письменное заявление, в котором выражено несогласие с заключением Квалифкомиссии от 22.01.2026.

Суть заявления Г. сводится к тому, что, во-первых, она утверждает, что лишь безвозмездно консультировала адвоката И.А.В. из сочувствия, а не по договору возмездного оказания услуг; категорически отрицает угрозы в адрес И.А.В. и председателя коллегии адвокатов «В. и партнёры» В.Н.Н., указывая, что её обращение к В.Н.Н. являлась просьбой урегулирования конфликта; обращает внимание на то что жалоба И.А.В. вызвана гражданским спором из-за некачественных сантехнических работ, выполненных супругом И.А.В.

05.05.2026 в АП СПб поступило обращение адвоката Г., поименованное как «ходатайство о направлении дисциплинарного производства в квалификационную комиссию для нового разбирательства», в котором она указывает на отсутствие «объективного и справедливого рассмотрения жалобы», поскольку не имела возможности присутствовать на заседании Квалифкомиссии и давать объяснения, а

заключение Квалифкомиссии вынесено без её участия в условиях ненадлежащего извещения. Указанные обстоятельства, по мнению адвоката Г., также лишили её права на примирение, предусмотренное положениями ст. 19 КПЭА.

08.05.2026 в АП СПб поступило заявление И.А.В., из содержания которого следует, что она «отказывается от доводов жалобы», указывает на отсутствие претензий к адвокату Г., сообщает о достигнутом между сторонами дисциплинарного производства взаимопонимании и урегулировании «спорных вопросов», просит дисциплинарное производство прекратить, отзывает поданную ею жалобу от 17.11.2025.

В тот же день адвокат Г. подала заявление в АП СПб, в котором указала, что отзывает заявление от 05.05.2026.

12.05.2026 адвокат Г. направила в АП СПб обращение – «речь адвоката Г. на заседании Совета АП СПб по дисциплинарному производству № », в котором фактически выражает несогласие с заключением Квалифкомиссии, указывая на «истечение шестимесячного срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности», «отсутствие доказательств угроз и лишения статуса адвоката». Адвокат Г. также указывает, что имела место «корпоративная помощь коллеге» и в этой связи у неё отсутствуют статусы «доверитель» и «поверенный». Наконец, адвокат Г. указывает на отказ И.А.В. от жалобы. На основании изложенного просит прекратить дисциплинарное производство.

Заявитель адвокат И. в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменное заявление, в котором было выражено несогласие с заключением Квалифкомиссии или его поддержка, в Совет АП СПб не направляла.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 14.05.2026 были извещены надлежащим образом.

Заявитель адвокат И. на заседание не явилась, представителя не направила, об отложении слушания дела не ходатайствовала.

Адвокат Г. на заседание явилась, выразила несогласие с заключением Квалифкомиссии от 22.01.2026, ответила на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката Г., изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

1. Как было указано выше, 08.05.2026 в АП СПб поступило заявление адвоката И.А.В. (заявителя по настоящему делу), которым она заявляет об отказе от доводов ранее поданной жалобы, подтверждает отсутствие каких-либо претензий к адвокату Г., сообщает о достигнутом между сторонами дисциплинарного производства взаимопонимании и урегулировании всех спорных вопросов, просит прекратить дисциплинарное производство.

В силу п. 7 ст. 19 КПЭА отзыв жалобы, представления, обращения либо примирение адвоката с заявителем, выраженные в письменной форме, возможны до принятия решения Советом и могут повлечь прекращение дисциплинарного производства на основании решения Совета по заключению квалификационной комиссии.

Совет АП СПб приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части установленных Квалифкомиссией дисциплинарных претензий о том, что адвокат Г. оказывала юридическую помощь заявителю И.А.В. в обмен на личную выгоду, а именно преследовала целью бесплатное выполнение сантехнических работ в своей квартире супругом адвоката И.А.В., при этом выдвигала требование к адвокату И.А.В. о передаче ей денежных средств в размере 100 000 (сто тысяч) рублей, при отсутствии документально подтвержденных прав на такое требование, поскольку заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в совершении адвокатом Г. нарушений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением последней своих профессиональных обязанностей перед доверителем, т.е. касающиеся исключительно взаимоотношений между ними, отзыв жалобы является безусловным основанием прекращения дисциплинарного производства, в связи с чем на основании подп. 4 п. 9 ст. 23 КПЭА дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Согласно п. 3 ст. 20, п. 7 ст. 23 КПЭА каждый участник дисциплинарного производства вправе предложить в устной или письменной форме способ разрешения дисциплинарного дела. Адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, имеет право принимать меры по примирению с лицом, подавшим жалобу.

В данной части дисциплинарных претензий нарушений адвокатом Г. требований Кодекса профессиональной этики адвоката и/или Закона об адвокатуре, способных повлечь угрозу публичным или публично-корпоративным интересам, не выявлено.

При таком положении Совет АП СПб приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. в данной части дисциплинарных претензий вследствие отзыва жалобы, как в наибольшей степени отвечающему требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 КПЭА.

Совет АП СПб отмечает, что сведений о том, что отзыв жалобы и заявление о примирении не соответствуют действительному волеизъявлению заявителя или совершены под влиянием давления или иного внешнего воздействия на заявителя, получено не было.

В связи с этим Совет АП СПб в данной части не входит в обсуждение установленных Квалифкомиссией фактических обстоятельств и их правовой оценки.

2. Несмотря на то, что в АП СПб 08.05.2026 поступило заявление И.А.В. об отзыве её жалобы в связи с урегулированием конфликта с адвокатом Г., АП СПб считает возможным в данном дисциплинарном деле преодолеть выраженное заявителем желание прекратить дисциплинарное разбирательство в части дисциплинарных претензий об оказании адвокатом Г. юридической помощи адвокату И.А.В. без заключения соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме и переходит к рассмотрению жалобы по существу в связи со следующим.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 25 КПЭА решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие отзыва жалобы отнесено к компетенции Совета адвокатской палаты.

По смыслу положений указанной профессионально-этической нормы, принятие решения о прекращении дисциплинарного производства является правом Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, а не его обязанностью.

Реализация предоставленного законом Совету полномочия не согласиться с волеизъявлением подателя жалобы на её отзыв, не может осуществляться произвольно и должна обосновываться необходимостью защиты публично-корпоративных интересов.

В этом случае вмешательство органов управления адвокатской корпорации в отношения адвоката с его доверителем и игнорирование договорённости сторон о снятии дисциплинарных претензий будет являться оправданным.

Защита авторитета и поддержание доверия ко всему профессиональному сообществу может являться обстоятельством, освобождающим Совет палаты от обязанности по содействию примирению сторон, установленной п. 7 ст. 24 КПЭА.

Из изложенного следует, что при наличии в жалобе дисциплинарных обвинений, которые посягают на публично-корпоративные интересы, Совет АП СПб вправе преодолеть волеизъявление сторон на прекращение дисциплинарного производства и рассмотреть дело по существу. Иное означало бы существенное ограничение полномочий Совета адвокатской палаты по вышеупомянутой защите публично-корпоративных интересов.

Иными словами, предоставленное Совету адвокатской палаты право не прекращать дисциплинарное производство вследствие отзыва жалобы подлежит реализации в случаях, когда предмет дисциплинарного разбирательства затрагивает публично-корпоративные интересы адвокатуры, связанные с обеспечением законности адвокатской деятельности, соблюдением единых профессиональных стандартов и поддержанием доверия к институту адвокатуры. В подобных случаях приоритет приобретает не задача примирения участников дисциплинарного конфликта, предусмотренная п. 7 ст. 24 КПЭА, а необходимость защиты авторитета адвокатуры и обеспечения соблюдения обязательных правил осуществления профессиональной деятельности.

Такие обстоятельства установлены Советом АП СПб в дисциплинарном производстве № постольку, поскольку из жалобы заявителя И.А.В. усматривается, что адвокат Г. оказывала юридическую помощь без заключения соглашения, что является угрозой не только частным, но и публично-правовым отношениям.

Оказание адвокатом юридической помощи без заключения письменного соглашения посягает на публично-корпоративные интересы адвокатуры, поскольку нарушает установленный законом порядок осуществления профессиональной деятельности и подрывает механизмы корпоративного самоуправления, на которых основан статус адвокатуры как публично-значимого института.

Адвокатура в Российской Федерации представляет собой профессиональное сообщество, наделённое публичной функцией обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Именно поэтому деятельность адвоката подчинена не только интересам конкретного доверителя, но и обязательным корпоративным стандартам, соблюдение которых обеспечивает доверие общества к адвокатуре в целом. Требование о письменной форме соглашения является одним из таких базовых стандартов профессиональной деятельности.

Оказание юридической помощи вне письменного соглашения подрывает установленный порядок финансовой дисциплины, включая обязательные отчисления на общие нужды адвокатской палаты и адвокатских образований. Если адвокат получает вознаграждение без оформленного соглашения, это приводит к лишению возможности осуществлять контроль за соблюдением адвокатом своих корпоративных обязанностей. Это затрагивает интересы всего профессионального сообщества, поскольку система адвокатского самоуправления функционирует за счёт добросовестного соблюдения единых правил всеми адвокатами.

Подобная практика формирует для иных адвокатов модель недобросовестной конкуренции. Адвокат, систематически оказывающий помощь без надлежащего оформления соглашений, фактически получает возможность обходить предусмотренные законом и внутрикорпоративными актами обязанности, тогда как остальные члены корпорации несут соответствующие издержки и ограничения. Это нарушает принцип равенства адвокатов внутри профессионального сообщества и подрывает дисциплину.

С публично-корпоративной точки зрения опасность подобных действий состоит и в том, что они дискредитируют сам институт адвокатуры. Законодатель предоставил адвокатуре значительный объём автономии и независимости именно исходя из презумпции добросовестного соблюдения адвокатами профессиональных стандартов. Игнорирование обязательного порядка оформления отношений с доверителем подрывает доверие к способности адвокатского сообщества самостоятельно обеспечивать надлежащий уровень профессиональной дисциплины и саморегулирования.

Отсутствие соглашения исключает надлежащую фиксацию предмета поручения, статуса доверителя, условий оказания помощи и объёма профессиональных обязанностей адвоката.

Таким образом, нарушение требования о письменной форме соглашения затрагивает не только частные интересы доверителя, но и публично-корпоративные интересы адвокатуры как профессионального сообщества: интересы корпоративного контроля, финансовой дисциплины, равенства членов адвокатской корпорации, эффективности дисциплинарного производства, поддержания единых профессиональных стандартов и доверия общества к институту адвокатуры.

Квалифкомиссией установлено, что адвокат Г. оказывала юридическую помощь адвокату И.А.В. по составлению возражений на жалобу Н.Н.В., жалобы на заключение Комиссии Совета АП СПб по защите прав адвокатов, а также консультационной помощи по вопросу обращения К.А., что подтверждается представленными скриншотами переписки.

Адвокат осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2022 № 49-П).

Обратившись за юридической помощью к адвокату Г. и получив её, И. приобрела статус доверителя со всеми вытекающими правами, включая право на соблюдение адвокатской тайны и добросовестное исполнение обязательств адвокатом Г.

Вместе с тем соглашение об оказании юридической помощи между И.А.В. и адвокатом Г. в письменной форме заключено не было.

Согласно п.п. 1-2 ст. 25 Закона об адвокатуре адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу п. 1 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Кроме того, согласно п. 6 ст. 15 КПЭА адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с Решением Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований» (протокол № 1; с изменениями на 29.03.2021; далее – Решение Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений») соглашение (договор) об оказании юридической помощи заключается между адвокатом и доверителем в простой письменной форме, составляется в 2-х экземплярах, подписывается адвокатом и доверителем, один экземпляр соглашения передаётся доверителю. Соглашение считается заключённым, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным его условиям. Заключение соглашения в устной форме не допускается (п. 2).

Обязанность по оформлению договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре возложена на адвоката и неисполнение (ненадлежащее исполнение) этой обязанности является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности (п. 7).

Таким образом, в отсутствие надлежащим образом оформленного соглашения об оказании юридической помощи, имея возможность отказаться от оказания юридической помощи И.А.В., адвокат Г., вопреки требованиям п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре и п. 2 Решения Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений», фактически приступила к оказанию юридической помощи И.А.В. по возбуждённому в отношении последней дисциплинарному производству.

Совет АП СПб отклоняет доводы адвоката Г. о том, что оказанная И.А.В. помощь носила характер исключительно «корпоративной помощи коллеге».

Из установленных Квалифкомиссией обстоятельств следует, что адвокат Г. давала профессиональные правовые консультации, подготавливала процессуальные документы И.А.В. в рамках возбуждённого в отношении последней дисциплинарного производства, то есть осуществляла профессиональную юридическую деятельность в смысле Закона об адвокатуре.

Действующее законодательство не предусматривает каких-либо исключений из обязанности заключения письменного соглашения в зависимости от личного, коллегиального либо корпоративного характера отношений между адвокатами.

При этом ссылка адвоката Г. на «корпоративную помощь» противоречит её собственному поведению, поскольку указанное обстоятельство использовалось ею в

качестве основания для предъявления И.А.В. имущественных требований об обеспечении полного возврата денежных средств супругом заявителя И.А.В., что подтверждается письменной претензией, содержащейся в материалах дисциплинарного производства (л.д. 17 материалов дисциплинарного производства). Указанное свидетельствует о возмездном характере фактически сложившихся между сторонами отношений.

Действия адвоката Г. в действительности были продиктованы не корпоративной солидарностью, а желанием «решить финансовый вопрос в обмен на оказанную помощь», что прямо следует из её письменной претензии, направленной в адрес И.А.В. (л.д. 17 материалов дисциплинарного производства).

Более того, в указанной претензии адвокат Г. признаёт, что оказывала юридическую помощь И.А.В.

Таким образом, материалы дисциплинарного производства, в том числе представленная переписка и претензия, свидетельствуют не о разовом дружеском совете, а о фактическом оказании адвокатом Г. профессиональной юридической помощи по конкретным дисциплинарным производствам.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что презумпция добросовестности адвоката Г. материалами дисциплинарного производства опровергнута, а допущенное нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности КПЭА является доказанным.

Совет АП СПб полагает необходимым отметить, что действия адвокат Г., выраженные в оказании юридической помощи в отсутствии соответствующего соглашения, представляют собой нарушение п. 1 ст. 8 КПЭА, поскольку свидетельствуют о недобросовестном исполнении своих обязанностей, а также нарушение п.п. 1-2 ст. 25 Закона об адвокатуре, предписывающих осуществлять адвокатскую деятельность на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое в силу прямого указания закона заключается в простой письменной форме.

Кроме того, поскольку в соответствии с Решением Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений» обязанность по оформлению договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре возложена на адвоката, а заключение соглашения в устной форме не допускается, Совет АП СПб также усматривает в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушение п. 6 ст. 15 КПЭА во взаимосвязи с п.п. 2 и 7 Решения Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений», поскольку адвокат Г. устранилась от обязанности выполнять указанное решение Совета АП СПб, принятое в пределах его компетенции.

Совет АП СПб признаёт, что адвокатом Г. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям п.п. 1-2 ст. 25 Закона об адвокатуре, п. 6 ст. 15 КПЭА во взаимосвязи с п.п. 2 и 7 Решения Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений» и п. 1 ст. 8 КПЭА, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И.А.В., выразившееся в оказании юридической помощи доверителю без надлежащим образом оформленного соглашения об оказании юридической помощи.

Квалифкомиссия также квалифицировала допущенный адвокатом Г. дисциплинарный проступок по п. 3 ст. 9 КПЭА, однако Совет АП СПб считает, что нарушение связано прежде всего с ненадлежащим оформлением адвокатской деятельности, а не с оказанием юридической помощи «вне рамок адвокатской деятельности», в связи с чем полагает указанную квалификацию излишней.

Совет АП СПб не разделяет доводы адвоката Г. о том, что ей не была представлена возможность присутствовать на заседании Квалифкомиссии и давать объяснения, а заключение Квалифкомиссии вынесено без её участия в условиях ненадлежащего извещения по следующим основаниям.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Г. заблаговременно извещалась Квалифкомиссией о дате заседания посредством направления письма по адресу электронной почты, что не оспаривает адвокат Г.

Согласно «Разъяснениям Комиссии по этике и стандартам о порядке уведомления адвокатов о месте и времени рассмотрения дисциплинарного дела», утверждённым Решением Совета ФПА РФ от 25.12.2020, в силу п. 5 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан обеспечивать адвокатскую палату субъекта Российской Федерации актуальной информацией об адресе адвоката, в том числе электронном, для уведомлений и извещений.

Из указанных положений следует, что извещение по адресу адвоката может осуществляться как посредством услуг почтовой связи, так и посредством направления извещений и иных документов по адресу электронной почты адвоката. Поскольку КПЭА не содержит каких-либо ограничений, связанных с таким извещением, то любой из указанных способов является надлежащим уведомлением.

В случае, если адвокат исполнил обязанность, предусмотренную п. 5 ст. 8 КПЭА, и сообщил адвокатской палате субъекта Российской Федерации свой адрес, в том числе электронный, для осуществления связи, то для извещения адвоката должен использоваться указанный им адрес.

При этом необходимо учитывать, что адвокат несёт риск последствий неполучения извещения, доставленного по любому из адресов, указанных в настоящем Разъяснении.

Адвокат Г., ссылаясь на «ненадлежащее оповещение» о дате заседания Квалифкомиссии, указывает, что ею «не было замечено» соответствующее извещение.

Адвокатом Г. в АП СПб самостоятельно в качестве контактного адреса электронной почты был сообщён адрес: , что предполагает необходимость своевременно проверять указанный адрес электронной почты надлежащим образом, поскольку риск неполучения поступившей корреспонденции несёт адресат.

Наконец, Совет АП СПб не может согласиться с доводом адвоката Г. об «истечение шестимесечного срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности» постольку, поскольку в силу п. 5 ст. 18 КПЭА меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения).

Совет АП СПб обращает внимание на то, что адвокат Г. приступила к оказанию юридической помощи И.А.В. не ранее 26.08.2025, то есть двухлетний срок привлечения к дисциплинарной ответственности не истёк.

Приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы с учётом указанных замечаний Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само

заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Г. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает, что это нарушение совершено адвокатом Г. умышленно, но не признаёт его тяжким, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Г. действующих дисциплинарных взысканий.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в действиях (бездействии) адвоката Г. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных требований

пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

пункта 6 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пунктами 2 и 7 Решения Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений»,

пункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Председательствующий, первый вице-президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Саськов К.Ю.

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.И.